

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

DOI: 10.48137/26870703_2023_22_2_40

Илья БАСКАКОВ

Данила КРЫЛОВ

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ИРАНА В НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ В СУБРЕГИОНЕ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

Дата поступления в редакцию: 30.05.2023

Для цитирования: Баскаков И. Д., Крылов Д. С., 2023. Энергетическая дипломатия Ирана в нефтегазовой отрасли в субрегионе Персидского залива. – Геоэкономика энергетики. № 2 (22). С. 40-59. DOI: 10.48137/26870703_2023_22_2_40

В статье рассматривается такой концептуальный инструмент внешней политики государств мира, как энергетическая дипломатия, описываются ее методы и направления. Анализируется применение концепции энергетической дипломатии Исламской Республикой Иран в отрасли углеводородов в контексте геополитического положения и исторического развития топливно-энергетического комплекса страны. Отмечаются трудности, препятствующие успешному функционированию энергетической дипломатии Ирана в субрегионе Персидского залива. Также рассматривается нераскрытый потенциал энергетической дипломатии Исламской Республики на субрегиональном уровне. Делаются прогнозы относительно будущих возможных сценариев развития энергетической дипломатии страны в Персидском заливе в условиях внутренних реформ и субрегиональных трансформаций.

БАСКАКОВ Илья Дмитриевич, младший научный сотрудник отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН). Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 117418, Нахимовский просп., д. 51/21. E-mail: ilya_baskakov00@mail.ru. SPIN-код: 5515-0547. ORCID: 0000-0002-2842-4804.

КРЫЛОВ Данила Сергеевич, научный сотрудник отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН). Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 117418, Нахимовский просп., д. 51/21. E-mail: danila-krylov@yandex.ru. SPIN-код: 5422-5163. ORCID: 0000-0003-1982-4678.

Ключевые слова: энергетическая дипломатия, Иран, нефть, газ, Персидский залив, Саудовская Аравия, Ближний Восток, безопасность.

В современном мире нефть и газ по-прежнему занимают доминирующее положение среди источников энергии. Устойчивые потоки нефтегазовых энергоносителей обеспечивают социально-экономическую безопасность государств мира, а значит, глобальную и национальную безопасность [Черненко, 2010: 20]. В силу своей значимости углеводородные ресурсы являются одним из ключевых стратегических активов в международных отношениях. Энергетическая дипломатия направлена на расширение доступа государств к энергоресурсам и рынкам их сбыта. Это, в свою очередь, позволяет находить новые и корректировать существующие направления потоков энергоносителей, создавая региональные и глобальные сети циркуляции нефтегазовых ресурсов, в которых взаимодействуют государства – импортеры, транзитеры и экспортёры. Созданные таким образом стабильные сети обмена энергоресурсами становятся элементами глобальной энергетической безопасности.

Энергетическая дипломатия, ее формы, методы и направления

Энергетическая дипломатия представляет собой совокупность действий и политики отдельных стран в энергетической сфере, направленных на достижение посредством международного взаимодействия двух целей: отраслевой и общеполитической [Hossein Adeli, 2010: 59]. Первая цель – решение задач энергетического сектора, обычно определенных и сформулированных в политических документах страны. Эта цель включает обеспечение наличия источников энергии для стабильного развития общества и экономики, инфраструктуры по добыче энергоресурсов, их переработке, продаже или поставкам. Рассматривая страны – производители энергии, подобные Ирану, данная цель приобретает и другое, не менее важное измерение – необходимость поддержания устойчивого иностранного спроса на энергоносители государства. Вторая цель – усиление позиций государства на международной арене. Для этого будет использоваться в том числе энергетический потенциал государства и связанные с этим внешнеполитические инструменты. Эффективная энергетическая дипломатия должна формироваться так, чтобы достигать одновременно обеих целей, то есть решать как конкретные задачи энергетического сектора, так и вопросы национальной безопасности [Hossein Adeli, 2010: 59–60].

В условиях динамичного и высококонкурентного глобального энергетического взаимодействия [Волошин, 2016: 117] успешная деятельность энергетической дипломатии любого актора международных отношений требует учета множества факторов, включая объективную оценку нефтегазового промышленного сектора, и наличия грамотной программы энергетической дипломатии страны [Hossein Adeli, 2010: 61].

В энергетической дипломатии государств мира используются как традиционные, классические методы и средства дипломатии, так и специальные,

свойственные взаимодействию именно в энергетической сфере [Гумарова, 2008: 141]. К традиционным методам и средствам относятся переговоры, санкции, подготовленные дипломатические акции, участие в международных многосторонних институтах. В нефтегазовой области это в первую очередь ОПЕК, ОПЕК+, Форум стран – экспортеров газа (ФСЭГ), Организация арабских стран – экспортеров нефти (ОАПЕК), Латиноамериканская организация по энергетике (ОЛАДЭ) [Мигранян, Сокольников, 2018: 75].

К специальным методам энергетической дипломатии можно причислить введение эмбарго или угрозу его применения против страны – экспортера энергоресурсов; использование статистических и экономических данных о запасах энергоресурсов, объемах их добычи и ценах на них [Гумарова, 2008: 143]. Особенno выделяется такой специальный метод, как подготовленные акции с целью привлечения внимания глобальной общественности к значимым событиям именно в сфере энергетики, обладающим потенциалом воздействия на ход и развитие международных отношений в данной области [Гумарова, 2008: 142–143].

Энергетическая дипломатия реализуется в рамках трех основных направлений:

- 1) для извлечения экономических дивидендов;
- 2) с целью создания geopolитического ресурса влияния;
- 3) смешанное, включающее в себя первые два [Гумарова, 2008: 142].

Данная классификация направлений представляет собой попытки рассмотреть международные отношения в рамках идеальной модели. В реальности любое международное взаимодействие в энергетической сфере осуществляется в рамках третьего смешанного направления, которое предполагает совмещение приобретения экономической с усилением геополитических позиций.

Геоэнергетический потенциал Исламской Республики Иран

В силу географических особенностей Исламская Республика Иран занимает стратегически и geopolitически важное местоположение в мире. Данное государство находится между двумя крайне богатыми энергоресурсами бассейнами Персидского залива и Каспийского моря. Помимо близости к ним, Исламская Республика Иран обладает значительным geopolитическим транзитным потенциалом. На протяжении тысячелетий через территорию Ирана проходили транспортные маршруты, которые связывали Восток с Западом и наоборот [Hossein Adeli, 2010: 82].

В Иране сосредоточены огромные запасы нефти и газа. Российские исследователи приводят следующие средние оценки запасов углеводородов в Иране: 10 % мировых запасов нефти (около 160 млрд баррелей), 18 % мировых запасов газа (около 34 млрд куб. м). Самые значительные по своим

объемам используемые в настоящее время месторождения нефти в Иране (Ахмаз-Асавари, Марун, Гашаран) находятся на суше на юге страны, в провинции Хузестан. Ключевое нефтяное месторождение на шельфе (Абузар) расположено в Персидском заливе [Телегина, Халова, Иллерицкий, 2018: 93]. Самое крупное газовое месторождение Ирана, Южный Парс, расположено в центре Персидского залива. При этом данное месторождение представляет собой северную половину супергигантского газового месторождения, южная часть которого находится на территории Катара¹. Другие важные иранские газовые месторождения – это Киш, Северный Парс, Табнак, Форуз, Кангтан [*Iranian Gas and LNG Potential...*, 2014].

Быстро расширяющиеся крупные рынки и страны – потребители энергоносителей на востоке, в Южной и Юго-Восточной Азии (Китай, Индия, Пакистан), и на западе (Турция, Германия, Франция) с начала XXI века представляли огромный интерес и перспективы для Ирана не только как производителя и экспортёра нефти и газа, но и как направления для транзита энергоресурсов. Уникальное положение на пересечении оси производства нефти и газа (между Персидским заливом и Каспийским морем) и оси потребления (Восток – Запад) также обеспечивает наиболее экономичный транзитный маршрут. Однако в условиях политических и экономических санкций Запада против Тегерана ряд трубопроводов в регионах, сопредельных с Ираном, были проложены через другие, менее экономичные маршруты по исключительно политическим причинам (к примеру, газопровод Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия) [Karimi, Hafezi, Souhankar, 2022: 125].

Рассмотрение потенциала и возможностей энергетической дипломатии Ирана невозможно без ретроспективного анализа развития его энергетической политики в контексте истории и geopolитических сдвигов, которые оказали решающее влияние на формирование энергетического сектора страны. До Исламской революции Иран обладал схожими чертами с другими государствами – производителями нефти Персидского залива: это было монархическое государство, встроенное в глобальную капиталистическую экономическую систему.

Исламская революция 1978–1979 гг. стала поворотной точкой в ином пути развития топливно-энергетического сектора Ирана. После революции страна изменила путь политического развития и была переименована в Исламскую Республику Иран (ИРИ). Политическая риторика Хомейни, потребовавшего от иностранных нефтяных компаний немедленно покинуть Иран, однако, противоречила экономической потребности страны в международном сотрудничестве для ведения нефтяного бизнеса и удовлетворения внутренних потребностей в энергии [Bilgin, 2015: 36].

¹ South Pars Gas Development Project, Persian Gulf // <https://www.nsenergybusiness.com/projects/south-pars-gas-field-persian-gulf-iran/>, дата обращения 18.12.2022.

Производственные мощности Исламской Республики сильно снизились в 1980 г. из-за отсутствия технических возможностей для управления скважинами [Bilgin, 2015: 36]. Следующим ударом по иранской нефтегазовой промышленности стало начало ирано-иракской войны в 1980 г. Вторжение Ирака в Иран привело к полному краху нефтяной промышленности. Ирано-иракская война завершилась в 1988 г., оставив страну в крайне тяжелом экономическом положении.

Процессы трансформации внешней нефтегазовой политики Ирана и глобальной энергетической безопасности происходили параллельно. Потрясения Исламской революции и последовавшая ирано-иракская война значительно затормозили развитие топливной промышленности страны, а значит, и потенциал ее энергетической внешней политики. Одновременно мировая общественность, лицезрев в том числе революцию в Иране и разрушительный конфликт двух крупнейших экспортёров энергоносителей, во всей ясности осознала критическую зависимость мировой экономики от импорта нефти из ограниченного круга государств. События вокруг Ирана стали одним из важнейших толчков к полноценному обсуждению проблематики глобальной энергетической безопасности и к диверсификации мировой нефтедобычи [Жуков, Резникова, 2019: 27].

Ситуация с низкой добычей нефти (около 1,5 млн баррелей в день) преобладала на протяжении всего правления Р. Хомейни, до 1989 г. [Bilgin, 2015: 37]. Несмотря на то что Национальной иранской нефтяной компании удалось в определенной степени увеличить производство после 1989 г., правительство искало международную поддержку, чтобы нарастить мощности топливно-энергетического комплекса, которые были недостаточны для удовлетворения внутреннего спроса и выплаты внешних долгов после 1989 г. [Bilgin, 2015: 37]. Однако планы Ирана по включению в международное нефтегазовое сотрудничество оставались нереализованными из-за санкций США. Первые односторонние санкции Вашингтона против Тегерана были наложены вскоре после Исламской революции. Впоследствии санкции были ужесточены во время ирано-иракской войны.

После окончания Ирано-иракской войны политическая ориентация администрации Ирана поочередно менялась с консервативной на реформаторскую. В периоды президентских сроков консервативных лидеров сотрудничество со странами Европы в нефтегазовой сфере тормозилось, а в периоды руководства президентов-реформаторов – М. Хатами (1997–2005 гг.) и Х. Рухани (2013–2021 гг.) – возобновлялось. Отсутствие преемственности во внешней политике не позволило обеспечить формирование устойчивой долгосрочной стратегии Тегерана в сфере энергетики, поскольку происходило постоянное изменение соотношения западного и восточного направлений во внешней политике Исламской Республики Иран, в том числе в области энергетики.

Энергетическая дипломатия Ирана на современном этапе

В Иране концепция энергетической дипломатии стала постепенно находить признание в среде политического истеблишмента лишь в 1990-х гг. К причинам такой задержки иранские аналитики относят в том числе занятость правительства послевоенным восстановлением. Отмечается, что в то время как нефтегазовые мощности постепенно использовались для продвижения углеводородной отрасли, план энергетической дипломатии не был разработан из-за отсутствия консенсуса среди высших должностных лиц [Hossein Adeli, 2010: 74].

В конце 1990-х – начале 2000-х была принята новая политическая линия в энергетическом секторе в Четвертом плане национального развития (2004–2008 гг.), который отмечал необходимость создания нефтяного стабилизационного фонда для содействия достижению стратегических целей экономического развития страны и призывал к «активному взаимодействию с мировой экономикой» [Hossein Adeli, 2010: 75]. Следует отметить, что его разработка пришлась именно на период президентства представителя реформаторского крыла иранского истеблишмента (М. Хатами).

И хотя подобные шаги указывают на определенную озабоченность руководства страны вопросами внешней энергетической политики, полноценного каркаса для функционирования эффективной иранской энергетической дипломатии все еще не существует [Hossein Adeli, 2010: 75]. Безусловно, ключевыми причинами подобного положения являются неблагоприятная международная обстановка (в том числе на субрегиональном уровне) и активное внешнее давление на Иран. Иранские аналитики отмечают, что энергетическая дипломатия все еще не выведена в фарватер внешней политики Ирана [Zadeh, Siraki, Khodaverdi, Dehshiri, 2019]. Отсутствует самостоятельная официальная программа энергетической дипломатии для Министерства иностранных дел ИРИ. Научно-исследовательская деятельность в области энергетической внешней политики требует усиления, аналитики из данной сферы пока что не привлекаются к выработке внешнеполитических решений.

Проблемным является также отсутствие межведомственной комиссии по вопросам энергетической дипломатии, куда бы входили самые влиятельные игроки в области иранской энергетической дипломатии, к примеру представители МИД, Министерства нефти, Министерства экономики и финансов, Министерства промышленности, рудников и торговли [Zadeh, Siraki, Khodaverdi, Dehshiri, 2019]. Отсутствие официальной повестки дня по энергетической дипломатии не позволяет сформировать консенсус относительно принципов, целей и функций энергетической дипломатии ИРИ.

Следует отметить, что характерной чертой подходов энергетической политики ИРИ в нефтегазовой сфере является превалирующий акцент на

экспорте энергоносителей. Это подтверждается основополагающими документами, определяющими векторы иранской энергетической политики, – Национальной энергетической стратегией Ирана (2016 г.) и Общим регламентом политики в области энергетики (2001 г.); импорт углеводородов в этих документах не рассматривается в комплексе возможностей внешней энергетической политики Исламской Республики [Karimi, Hafezi, Souhankar, 2022]. Следовательно, импорт энергии не учитывается как один из важных вопросов в энергетической дипломатии страны.

До выхода США из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) в 2018 г. добыча нефти в Исламской Республике превышала уровень 3,5 млн баррелей в день, а объем экспорта был свыше 2,5 млн баррелей в день [Мамедова, 2020: 166]. После выхода Вашингтона из ядерной сделки и усиления санкционного давления на Тегеран ситуация изменилась. Добыча нефти снизилась до 2,1 млн баррелей в день [Мамедова, 2020: 166]. Следует отметить, что, стремясь обойти ограничения, Иран на современном этапе не предоставляет официальных сведений об объемах продажи нефти и газа. Предположительные объемы экспорта нефти Исламской Республикой на 2020 г. составляли от 0,1 до 0,5 млн баррелей в день [Дунаева, Сажин, 2020: 15]. В связи с этим существующая тенденция роста цен на нефть на мировом рынке имеет решающее значение для компенсации низких объемов экспорта иранской нефти [Кожанов, Исаев, 2019: 29].

Иранские исследователи утверждают, что сохранение экспортно ориентированного подхода не сможет обеспечить политическую безопасность Исламской Республики Иран в будущем [Karimi, Hafezi, Souhankar, 2022: 127]. Если Тегеран продолжит полагаться только на потенциал своих ресурсов, как и в прошлом, пренебрегая необходимыми средствами и возможностями, включая переговоры с другими странами – экспортёрами нефти, активизацией создания газотранспортных инфраструктур с соседними государствами, то геоэнергетический потенциал Ирана как зоны транзита и перераспределения энергоносителей будет утерян [Karimi, Hafezi, Souhankar, 2022: 129].

Энергетическая дипломатия Ирана в нефтегазовой сфере на субрегиональном уровне в зоне Персидского залива

Иран реализует часть своего энергетического потенциала во взаимодействиях на субрегиональном уровне в зоне Персидского залива. Одним из ключевых направлений в этом субрегионе является проведение swap-операций по нефти с Ираком. В 2018 г. министр Ирака по делам нефти Джаббар Аллуайби заявил, что Ирак будет передавать около 30 тыс. баррелей сырой нефти в день на нефтеперерабатывающий завод (НПЗ) в Керманшахе (Иран) на первой стадии соглашения. Данный транзит нефти осуществляется согласно swap-соглашению с целью передачи нефти из Киркука в Иран.

Тогда же сообщалось, что объемы будут увеличены до 60 тыс. баррелей в день. После передачи в Иран нефть перерабатывается на НПЗ и отправляется обратно, в Южный Ирак [Zadeh, Siraki, Khodaverdi, Dehshiri, 2019: 85].

Важно отметить, что потенциал газового энергетического взаимодействия Исламской Республики со странами Персидского залива в целом остается нераскрытым. Иран мог бы стать центром регионального взаимодействия в газовой области, так как он обладает крупными запасами природного газа, находится вблизи от двух других газовых центров (Катара [Штоль, 2014: 177] и Кувейта) и имеет опыт взаимовыгодного сотрудничества по отдельным вопросам с Турцией [Аватков, 2018: 22] (главным региональным покупателем газа). По мнению иранских исследователей, подобное взаимодействие укрепило бы отношения Тегерана и Анкары, одновременно открывая больше возможностей Дохе в противодействии Эр-Рияду [Zadeh, Siraki, Khodaverdi, Dehshiri, 2019: 84].

Существует также проект газопровода Иран – Оман. Соглашение о строительстве газового трубопровода между Ираном и Оманом было подписано в 2013 г. на фоне деятельности реформаторского правительства и развития переговорного процесса по иранской ядерной программе с Западом. Согласно соглашению Иран имел бы возможность стablyно экспортировать сжиженный природный газ в Оман, имеющий потребность в иранском газе [Хуссейн Мухаммед, 2021: 65]. Предполагалась реализация 15-летнего плана по экспорту иранского газа в Оман в объеме свыше 28 млн куб. м газа в день. Планы по реализации проекта приостановились после выхода США из СВПД в 2018 г. В 2019 г. министр по делам нефти Омана заявил, что газовый трубопровод должен был проходить от газовых полей Южного Парса на север Омана. Кроме того, он бы мог быть продлен в Йемен после окончания военного конфликта в этой стране². В 2022 г. на фоне первичных попыток сторон вернуться к сделке по иранской ядерной программе стороны заявляли о готовности вернуться к реализации проекта³.

Потенциально запасы газа в Иране могли бы удовлетворить спрос на газ в ряде стран Персидского залива, таких как Саудовская Аравия, ОАЭ и Оман. Очевидно, что их конструктивное сотрудничество в энергетической сфере ограничивается политической обстановкой в субрегионе. Раскрытие потенциала возможно лишь при условии снятия напряженности, взаимном доверии, подлинном взаимодействии и коллективном участии всех государств Персидского залива.

² Oman expresses renewed interest in importing Iranian gas // <https://www.isna.ir/news/1400022819528> / ناری از آگه‌دار او-مپ-نامع ددج-مقلع-زاربا/, дата обращения 18.12.2022.

³ Iran to revive gas pipeline project to Oman, IRNA reports // <https://www.reuters.com/world/middle-east/iran-agrees-revive-gas-pipeline-project-oman-irna-2022-05-21/>, дата обращения 18.12.2022.

Фактор региональной и субрегиональной безопасности, осознание государствами своих приоритетов в этой области являются первичными в формировании внешней политики государств мира. В силу богатства нефтегазовых ресурсов, соперничества за их обладание и контроль долей на мировом рынке энергоносителей для государств Персидского залива фактор энергетической безопасности играет ключевую роль в определении векторов их взаимоотношений.

В современном мире возрастает роль международных подсистем – регионов и субрегионов [Аватков, Каширина, 2019: 7]. В этой связи новое осмысление получает подсистема международных отношений в рамках Персидского залива. Динамика взаимоотношений государств Персидского залива определяется рядом ключевых факторов, включающих значительный объем запасов энергоресурсов (нефть и газ), конкурирующие и невзаимодополняющие экономики, высокую зависимость от ценовых скачков на рынке энергоносителей, стремление обеспечить контроль над поставками нефти на мировой рынок, использование доходов с экспорта энергоносителей как основы политического развития государств субрегиона [Zadeh, Siraki, Khodaverdi, Dehshiri, 2019: 82].

Геополитические особенности Ирана обеспечивают Тегерану крайне выгодное положение в зоне Персидского залива. В первую очередь это обеспечивается контролем Ирана над комплексом островов Абу Муса, Малый и Большой Томб, а также фактическим господством Ирана в Ормузском проливе, который является самым узким местом (бутылочным горлышком) Персидского залива. Падение враждебного Ирану правительства Саддама Хуссейна в Ираке в 2003 г. еще сильнее усилило геополитический и стратегический потенциал Ирана в субрегионе Персидского залива [Zadeh, Siraki, Khodaverdi, Dehshiri, 2019: 83]. Данные геополитические особенности во многом стали базисом конфронтационной модели взаимодействия Ирана с другими государствами Персидского залива. В случае ощущения угрозы своим интересам или при оказании реального давления Иран может воспользоваться своим географическим положением для изменения баланса сил в энергетической сфере.

В рамках отношений с арабскими монархиями Персидского залива Иран чаще прибегает к силовым методам, а не к методам энергетической дипломатии. Это вызвано историческим преимущественно конфронтационным опытом взаимодействия с этими странами, в первую очередь с Саудовской Аравией [Горкина, 2019: 65]. Произошедшая в 2023 г. нормализация отношений Ирана и Саудовской Аравии имеет своей целью вывести отношения между государствами из политического тупика, в который их привела взаимная конфронтация. Что касается применения Ираном силовых методов в Персидском заливе, то примером таких действий могут служить события 20 июля 2019 г., когда Корпус стражей исламской революции (КСИР) за-

хватил британский нефтяной танкер *Stena Impero*. Таким образом Тегеран продемонстрировал свое влияние и возможность обеспечивать контроль над Ормузским проливом⁴.

Кроме того, иранские исследователи указывают, что Исламская Республика Иран как ключевая кросс-региональная держава может опираться на поддержку приписываемых Тегерану прокси-сил для достижения своих целей [Zadeh, Siraki, Khodaverdi, Dehshiri, 2019: 80]. Прокси-группы используются Ираном в случае необходимости демонстрации бескомпромиссных позиций государства по определенным вопросам, в том числе и в сфере энергетики. Примером такой конфронтационной политики являются атаки йеменских хуситов (получающих поддержку со стороны Ирана) на НПЗ *Saudi Aramco* в Абкаине и Хурайсе (Саудовская Аравия), причинившие серьезный ущерб экономике и имиджу Эр-Рияда. Эти события привели к скачку цен на нефть и продемонстрировали уязвимые точки в сфере энергетической безопасности как Саудовской Аравии в частности, так и Персидского залива в целом [Zadeh, Siraki, Khodaverdi, Dehshiri, 2019: 81]. В рамках субрегиональной структуры безопасности арабские монархии восприняли действия хуситов в качестве угрозы со стороны Ирана, что снизило возможности иранской энергетической дипломатии [Кожанов, 2020: 160].

Важно учитывать, что разногласия между странами – членами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) как единой структуры и между арабскими монархиями Персидского залива как отдельными акторами нарастают и продолжают расти с начала XXI в. Эти разногласия были усилены событиями «арабской весны» 2011 г. и достигли пика во второй половине 2010-х гг. Фоном для этих разногласий, отражавших нацеленность ОАЭ и Катара на большую автономность во внешней политике, стало ослабление влияния США на процессы в субрегионе [Крылов, 2022: 8]. Размывались ранее неоспоримая региональная сила и потенциал Вашингтона, служившего долгие годы опорой военно-политических и экономических сил арабских монархий.

Внутренние коллизии среди членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива открывают новые возможности для энергетической дипломатии Исламской Республики Иран. Стремление Катара к проведению самостоятельной политики на фоне региональных кризисов и усиление автономности Дохи от Эр-Рияда, в том числе в рамках сближения эмирата с Ираном, вызвали решительный ответ Саудовской Аравии и ее союзников. Санкции Саудовской Аравии, Бахрейна и ОАЭ против Катара усилили разрыв между арабскими монархиями Залива. Этим успешно вос-

⁴ UK's Hunt says Iran may be on 'dangerous path' after seizing tanker // <https://www.reuters.com/article/us-mideast-iran-tanker-britain-hunt-idUSKCN1UF05X>, дата обращения 18.12.2022.

пользовался Иран, укрепив отношения с Катаром [*Zadeh, Siraki, Khodaverdi, Dehshiri, 2019: 80*].

Кроме того, основу для укрепления дипломатических отношений Ирана и ОАЭ по многим региональным вопросам заложил йеменский кризис, который стал причиной ухудшения отношений между Эр-Риядом и Абу-Даби в виду стремления обеих сторон добиться решающего влияния на развитие политической ситуации в Йемене. В результате произошло усиление иранской энергетической дипломатии, а ОАЭ, осознавая значительный экономический потенциал сотрудничества с Ираном, также стали параллельно развивать сотрудничество с Тегераном, о чем свидетельствует стремление руководства арабской монархии создать интегрированную структуру для связей с ИРИ [*Zadeh, Siraki, Khodaverdi, Dehshiri, 2019: 83*].

Перспективы нефтегазовой дипломатии Ирана в контексте комплекса субрегиональных отношений

В целом в будущем представляется возможным фокусирование энергетической дипломатии Ирана на снижении зависимости от нефтяных доходов. Энергетическая политика не сводится к созданию различных стратегий производства и продажи энергоносителей, основным принципом ее успешности являются диверсификация источников дохода и реализация потенциала всех видов нефтегазового взаимодействия, что может быть достигнуто лишь за счет активной энергетической дипломатии страны [*Zadeh, Siraki, Khodaverdi, Dehshiri, 2019: 88*].

Газовая дипломатия Тегерана сегодня сталкивается одновременно с возможностью повышения геоэнергетической значимости Ирана за счет роста добычи и потребления газа в регионе и угрозой дальнейшего увеличения разрыва между объемами экспорта и импорта данного энергоносителя. Экспортно ориентированный подход не будет обеспечивать национальные интересы Исламской Республики Иран в ближайшие годы, и руководящим лицам государства необходимо обратить внимание на соседние страны, обладающие газовыми ресурсами. К примеру, среди соседей Ирана в Персидском заливе иранские исследователи предлагают отдавать приоритет в закупке газа Катару [*Karimi, Hafezi, Souhankar, 2022: 81*].

Помимо двустороннего взаимодействия, создание инфраструктуры для приема сжиженного природного газа может соединить Иран с обширными источниками природного газа на Ближнем Востоке и в Средней Азии, интегрировав его таким образом в региональную систему газового обмена. Благодаря разветвленной сети трубопроводов Ирана [*Телегина, Халова, Иллерицкий, 2018: 94*] Исламская Республика Иран могла бы превратиться в своего рода хаб для распределения сжиженного газа между странами субрегиона Персидского залива, иными государствами Ближнего Востока,

Средней и Южной Азии. Похожие идеи в сфере энергетики, берущие свое начало во внешнеполитической идентичности страны, активно продвигаются Турцией [Аватков, 2021: 9].

Прогнозируя возможные сценарии использования энергетической дипломатии во внешней политике Ирана в Персидском заливе, следует учитывать две основные переменные: *во-первых*, состояние внешней среды (т. е. степень враждебности государств — членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива и США в отношении Исламской Республики Иран) и, *во-вторых*, степень динаминости энергетической дипломатии Тегерана (т. е. наличие или отсутствие необходимых реформ в данной области и инициативность энергетической дипломатии страны). Состояние политической среды в зоне Персидского залива и степень ее конфронтационности в отношении Тегерана в краткосрочной и среднесрочной перспективе (5–10 лет) может иметь две основные конфигурации: эскалация военно-политического противостояния (между Ираном и Саудовской Аравией и/или США) вплоть до вооруженного конфликта или сохранение умеренной оппозиции сторон внутри субрегиона (сохранение антииранской направленности Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, продолжение прокси-конфликтов и опосредованного соперничества за влияние между Тегераном и Эр-Риядом).

Теоретически одной из форм реконфигурации политической среды в субрегионе Персидского залива мог бы стать переход к всесторонней коопération между Ираном и государствами — членами ССАГПЗ. Однако в нынешних геополитических условиях подобная трансформация представляется маловероятной в первую очередь ввиду противоречий, имеющих место в рамках борьбы государств за региональное лидерство, и зависимости арабских монархий Персидского залива от США в сфере безопасности. В долгосрочной перспективе подобный сценарий может быть реализован только при условии, что все государства региона явным образом переориентируются во всех сферах на другого, не США, одного внешнего игрока (к примеру, на КНР). В таком случае появилась бы возможность расширить аспекты энергетического взаимодействия не только с Ираком, Кувейтом, Катаром, Оманом, но и с традиционными соперниками Ирана — Саудовской Аравией и ОАЭ. Иран в таком случае получил бы реальную возможность стать региональным газовым хабом, а также снизить свою зависимость от нефтяных доходов.

Сочетание различных конфигураций переменных позволяет выделить четыре сценария будущего энергетической дипломатии Исламской Республики Иран в краткосрочной и среднесрочной перспективе (5–10 лет):

Первый сценарий — динамичность (т. е. проведение необходимых преобразований для успешной деятельности энергетической дипломатии,

выведение ее в фарватер внешней политики страны, поиск и инициация перспективных международных проектов) энергетической дипломатии Ирана в условиях эскалации военно-политического противостояния в Персидском заливе. Интенсификация соперничества Ирана и Саудовской Аравии и/или США с высокой долей вероятности оставит для Исламской Республики возможность сотрудничества с Ираком и, возможно, Катаром, при условии что последний будет стремиться извлечь максимальную выгоду из ситуации эскалации.

Второй сценарий – инертность (т. е. отсутствие реформ в области энергетической дипломатии, концентрация на привычных партнерах, игнорирование потенциала новых областей взаимодействия) энергетической дипломатии Ирана в условиях эскалации военно-политического противостояния в Персидском заливе. При усилении конфронтации Ирана с региональными и кросс-региональными игроками и в отсутствие активности иранской энергодипломатии единственным возможным направлением для сотрудничества останется иракское. Хотя даже возможности на иракском направлении будут определяться внешнеполитической ориентацией арабской республики.

Третий сценарий – динамичность энергетической дипломатии Ирана в условиях сохранения умеренной оппозиции Ирана и арабских монархий Персидского залива. При сохранении умеренной оппозиции сторон в зоне Персидского залива степень динамичности иранской энергетической дипломатии будет в значительной степени определять успешность всей внешней энергетической политики ИРИ. Активно будет развиваться кооперация с Ираком в рамках различных нефтяных и газовых проектов. Хотя сотрудничество с Саудовской Аравией в данном сценарии маловероятно, широкий потенциал нефтегазового взаимодействия с другими арабскими монархиями (Катаром, ОАЭ, Оманом) в виде двусторонних и даже многосторонних соглашений.

Четвертый сценарий – инертность энергетической дипломатии Ирана в условиях сохранения умеренной оппозиции Ирана и членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива и США. В данном сценарии, который во многом является отражением состояния энергетической дипломатии на протяжении большей части истории Исламской Республики Иран, инициатива по организации международных нефтегазовых проектов в зоне Персидского залива с участием Ирана остается в большей мере за арабскими монархиями (Катаром, Оманом и ОАЭ). Иракское направление сохранит приоритет в энергетической политике ИРИ.

В кратко- и среднесрочной перспективе наиболее оптимистичным для Ирана является сценарий становления динамичной энергетической дипломатии Ирана в условиях сохранения умеренной оппозиции Ирана и арабских монархий Персидского залива. Такой сценарий будет способствовать

дальнейшему энергетическому сотрудничеству по линии Иран – Ирак, создаст основу для реализации двусторонних соглашений с монархиями залива, стремящимися к большей автономии от КСА, такими как Катар, ОАЭ, Оман. При наиболее благоприятном исходе можно прогнозировать реализацию многосторонних нефтегазовых соглашений при участии Ирана, вышеназванных арабских монархий и Ирака.

Выводы

Исламская Республика Иран – государство, обладающее уникальным геополитическим положением и значительными запасами нефтегазовых энергоносителей. События Исламской революции (1978–1979 гг.), последовавшая ирано-иракская война (1980–1988 гг.) и вынужденное развитие топливно-энергетического комплекса в режиме автаркии оказали решающее влияние на позиции постреволюционного Ирана на мировом рынке энергоносителей. Технологическое отставание в нефтегазовом секторе и стремление расширить и диверсифицировать экспорт определили стремление Тегерана развивать взаимодействие в энергетической сфере начиная с периода восстановления после ирано-иракской войны.

При этом концепция энергетической дипломатии долгое время не получала полноценного развития на политическом уровне. До сих пор в Иране отсутствуют четко сформулированная комплексная межведомственная повестка для успешной реализации энергетической дипломатии и документы, посвященные именно этому инструменту внешней политики. При этом проблемы в нефтегазовом секторе сохраняются, включая превалирующий акцент на экспорт энергоносителей и игнорирование возможностей импорта и транзита углеводородов, что ограничивает реализацию геоэнергетического потенциала Ирана. Наиболее успешно осуществлять взаимодействие в сфере нефтегазовой дипломатии исторически Тегерану удавалось в период руководства президентов-реформаторов (М. Хатами, Х. Рухани), так как это давало возможность взаимодействовать с широким кругом акторов.

Потенциал нефтегазового взаимодействия (экспорта и транзита углеводородов) в рамках зоны Персидского залива также остается нераскрытым. Исключая активное взаимодействие с Ираком, стабильное и продуктивное энергетическое сотрудничество с остальными странами субрегиона все еще не является элементом внешней политики Ирана. Данное состояние определяется превалирующим враждебным (в отношении Ирана) политическим климатом в субрегионе Персидского залива: антииранской направленностью Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, противостоянием с Саудовской Аравией и США. При этом, несмотря на подобный деструктивный климат,

ситуативное взаимодействие в рамках энергетической дипломатии со странами Персидского залива все же реализуется, чему способствуют внутренние кризисы и противоречия среди монархий Залива (катарский кризис, йеменский кризис).

В будущем можно предположить несколько сценариев развития места и роли энергетической дипломатии во внешней политике Ирана в Персидском заливе. В наиболее оптимистичном и реалистичном сценарии в кратко- и среднесрочной перспективе при развитии динамичной энергетической дипломатии Ирана в условиях сохранения умеренной оппозиции Ирана и государств – членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, а также США Иран имеет возможность укрепить основы энергетической дипломатии, предлагаемые иранскими экспертами, – создать официальную комплексную программу энергетической дипломатии Исламской Республики Иран во внешней политике и организовать межведомственную комиссию по вопросам энергетической дипломатии. Во внешнем взаимодействии в рамках Персидского залива будет сохраняться возможность развития совместных нефтегазовых проектов с Ираком, Катаром, ОАЭ, Оманом. Сотрудничество с остальными странами субрегиона будет оставаться на низком уровне, и, вероятно, будет утерян потенциал создания центра регионального газового обмена со странами региона.

Фактор политического климата в зоне Персидского залива, степень его антагонистичности в отношении Ирана будут оказывать значительное влияние на потенциал энергетической дипломатии ИРИ. Тегеран заинтересован в создании субрегиональной архитектуры безопасности, существование которой позволит в средне- и краткосрочной перспективе не допустить эскалации в зоне Персидского залива. В долгосрочной перспективе такая архитектура безопасности может послужить основой для перехода к всесторонней кооперации между Ираном и государствами – членами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива и открыть новые направления энергетической дипломатии Тегерана. Именно поэтому дальнейшее продвижение и реализация российской Концепции коллективной безопасности в зоне Персидского залива⁵ и схожих идей могут стать отправной точкой для трансформации энергетической дипломатии Ирана. Это позволит России не только укрепить связи с Тегераном, но и встроиться в систему в качестве бенефициара в перспективные нефтегазовые проекты большинства государств зоны Персидского залива, возможность которых ныне ограничена.

⁵ Российская Концепция коллективной безопасности в зоне Персидского залива // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1466420/?lang=ru, дата обращения 14.01.2022.

Список литературы

- Аватков В. А.*, 2021. Турецкая идеология «хаба» // Восточный альманах: Сб. науч. ст. Вып. V. С. 8–13.
- Аватков В. А.*, 2018. Турецкая Республика в системе глобальной и региональной безопасности // Экстремальные ситуации, конфликты, социальное согласие: Сб. ст. XIX Междунар. науч.-практ. конф. / Академия управления МВД России. С. 20–23.
- Аватков В. А., Каширина Т. В.*, 2017. Тенденции развития современных международных отношений // Обозреватель. № 11 (334). С. 5–15.
- Волошин В. И.*, 2016. Мировая турбулентность как угроза энергетической безопасности России // Мир перемен. № 4. С. 114–128.
- Горкина Т. И.*, 2019. Нефтяная промышленность Ближнего Востока в системе глобальной энергетики // Географический вестник. № 4 (51). С. 59–69. DOI: 10.17072/2079-7877-2019-4-59-69.
- Гумарова И. С.*, 2008. Энергетическая дипломатия: методы, средства, формы и механизмы реализации // Вестник Пермского университета. Политология. № 2 (4). С. 141–146.
- Дунаева Е. В., Сажин В. И.*, 2020. Исламская Республика Иран в условиях новых вызовов // Азия и Африка сегодня. № 5. С. 12–20. DOI: 10.31857/S032150750009542-8.
- Жуков С. В., Резникова О. Б.*, 2019. Иран на мировом рынке нефти // Мировая экономика и международные отношения. № 11. С. 26–37. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-11-26-37.
- Кожанов Н. А.*, 2020. Ирано-американское противостояние и энергетическая безопасность стран Персидского залива // Пути к миру и безопасности. № 1 (58). С. 157–169. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-1-157-169.
- Кожанов Н. А., Исаев Л. М.*, 2019. Иран и санкции: опыт преодоления и влияние на социально-экономическое развитие // Азия и Африка сегодня. № 7. С. 24–31. DOI: 10.31857/S032150750005565-3.
- Крылов Д. С.*, 2022. Наступательная и оборонительная модели внешнеполитического курса США на Ближнем Востоке // Международные отношения. № 3. С. 1–18. DOI: 10.7256/2454-0641.2022.3.38757.
- Мамедова Н. М.*, 2020. Ситуация в Иране в свете новых санкций // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. № 2 (24). С. 159–175.
- Мигранян А. А., Сокольников М. А.*, 2018. Анализ динамики цен на нефть и газ // Постсоветский материк. № 1 (1). С. 70–81.
- Телегина Е. А., Халова Г. О., Иллерицкий Н. И.*, 2018. Топливно-энергетический комплекс Исламской Республики Иран. Перспективы энергетического сотрудничества Ирана с Россией // Энергетическая политика. № 6. С. 91–97.

Хуссейн Мухаммед К. Р., 2021. Нефтегазовые трубопроводы на Ближнем Востоке и перспективы их развития // Актуальные научные исследования в современном мире. № 10–11 (78). С. 64–68.

Черненко Е. Ф., 2010. Энергетическая дипломатия в орбите энергетической безопасности // Вестник РУДН. Сер. Международные отношения. № 3. С. 17–41.

Штоль В. В., 2014. Катар: история успеха // Международная жизнь. № 3. С. 176–178.

Bilgin M., 2016. Political history of Iran's energy policy // Avrasya Etüdleri. № 1 (49). P. 33–54.

Hossein Adeli S. M., 2010. The Contribution of Energy Diplomacy to International Security; with Special Emphasis on Iran // Iranian review of Foreign affairs. № 2. P. 57–95.

Iranian Gas and LNG Potential Remains Undeveloped // <https://maritime-executive.com/article/Iranian-Gas-and-LNG-Potential-Remains-Undeveloped-2014-07-29>,
дата обращения 14.01.2023.

Karimi M. S., Hafezi R., Souhankar A., 2022. Reframing of Iran's Energy Diplomacy in Natural Gas on the Horizon of 1420, Necessity or Choice? // Strategic studies of public policy. № 41. P. 116–135.

Zadeh R. S., Siraki K. S., Khodaverdi H., Dehshiri M., 2019. Opportunities, Threats and Solutions Facing the Energy Diplomacy of the Islamic Republic of Iran on Regional Political Economy (2003–2019) // Political and international scientific and research quarterly. № 41. P. 90–109.

BASKAKOV Ilya D., Junior Research Fellow of the Department of Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.

Address: 51/21, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117418, Russian Federation.

E-mail: ilya_baskakov00@mail.ru

SPIN-code: 5515-0547

ORCID: 0000-0002-2842-480

KRYLOV Danila S., Research Fellow of the Department of Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.

Address: 51/21, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117418, Russian Federation.

E-mail: danila-krylov@yandex.ru

SPIN-code: 5422-5163

ORCID: 0000-0003-1982-4678

IRAN'S ENERGY DIPLOMACY IN THE OIL AND GAS SPHERE IN THE PERSIAN GULF SUBREGION

DOI: 10.48137/26870703_2023_22_2_40

Received: 30.05.2023

For citation: Baskakov I. D., Krylov D. S., 2023. Iran's energy diplomacy in the oil and gas sphere in the Persian Gulf subregion. – Geoeconomics of Energetics. №. 2 (22). P. 40-59. DOI: 10.48137/26870703_2023_22_2_40

Key words: energy diplomacy, Iran, oil, gas, Persian Gulf, Saudi Arabia, Middle East, security.

Abstract

The article explores energy diplomacy as a conceptual tool of foreign policy and describes methods and directions of energy diplomacy. It analyzes the application of the concept of energy diplomacy by the Islamic Republic of Iran in the oil and gas sphere taking into account the geopolitical position of Iran and historical development of the fuel and energy complex of the country. The authors highlight difficulties hindering the successful performance of Iran's energy diplomacy in the Persian Gulf subregion. The untapped potential of the Islamic Republic of Iran's energy diplomacy at the subregional level is also examined. The article presents scenarios regarding future of the country's energy diplomacy in the Persian Gulf in the context of possible domestic reforms and subregional political transformations.

References

- Avatkov V. A.*, 2021. Turkish “hub” ideology // Eastern Almanac: collection of scientific articles. Issue 5. P. 8–13. (In Russ.)
- Avatkov V. A.*, 2018. Turkish Republic in the System of Global and Regional Security // Extreme Situations, Conflicts, and Social Accord. Collection of articles of the XIX International Scientific-Practical Conference. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. P. 20–23. (In Russ.)
- Avatkov V. A., Kashirina T. V.*, 2017. Tendencies in the development of modern international relations // Observer. No. 11 (334). P. 5–15. (In Russ.)
- Voloshin V. I.*, 2016. World Turbulence as a Threat to Russia’s Energy Security // The World of Transformations. No. 4. P. 114–128. (In Russ.)
- Gorkina T. I.*, 2019. The Oil Industry of the Middle East in the Global Energy System // Geographical Bulletin. № 4 (51). P. 59–69. DOI: 10.17072/2079-7877-2019-4-59-69. (In Russ.)
- Gumarova I. S.*, 2008. Energy Diplomacy: Methods, Means, Forms and Mechanisms of Implementation // Bulletin of Perm University. Political Science. No. 2 (4). P. 141–146. (In Russ.)
- Dunaeva E. V., Sazhin V. I.*, 2020. Islamic Republic of Iran faces new challenges // Asia and Africa today. No. 5. P. 12–20. DOI: 10.31857/S032150750009542-8. (In Russ.)
- Zhukov S. V., Reznikova O. B.*, 2019. Iran in the world oil market // World Economy and International Relations. No. 11. P. 26–37. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-11-26-37. (In Russ.)
- Kozhanov N. A.*, 2020. Iranian-American Confrontation and Energy Security in the Persian Gulf // Pathways to Peace and Security. No. 1 (58). P. 157–169. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-1-157-169. (In Russ.)
- Kozhanov N. A., Isaev L. M.*, 2019. Iran and sanctions: the experience of overcoming and the impact on socio-economic development // Asia and Africa today. No. 7. P. 24–31. DOI: 10.31857/S032150750005565-3. (In Russ.)
- Krylov, D. S.*, 2022. Offensive and Defensive Models of U.S. Foreign Policy in the Middle East // International Relations. No. 3. P. 1–18. DOI: 10.7256/2454-0641.2022.3.38757. (In Russ.)
- Mamedova N. M.*, 2020. The situation in Iran in the context of renewed sanctions // Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the world. No. 2 (24). P. 159–175. (In Russ.)
- Migranyan A. A., Sokolnikov M. A.*, 2018. Analysis of the dynamics of oil and gas prices // Post-Soviet Mainland. No. 1 (1). P. 70–81. (In Russ.)
- Telegina E. A., Khalova G. O., Illeritsky N. I.*, 2018. The Fuel and Energy Complex of the Islamic Republic of Iran. Prospects for Iran’s energy cooperation with Russia // Energy Policy. No. 6. P. 91–97. (In Russ.)

Hussein Mohammed K. R., 2021. Oil and Gas Pipelines in the Middle East and Prospects of their Development // Actual Scientific Research in the Contemporary World. No. 10–11 (78). P. 64–68. (In Russ.)

Chernenko E. F., 2010. Energy Diplomacy in the Orbit of Energy Security // Vestnik RUDN. International Relations. No. 3. P. 17–41. (In Russ.)

Shtol V. V., 2014. Qatar: a success story // The international affairs. No. 3. P. 176–178. (In Russ.)

Bilgin M., 2016. Political history of Iran's energy policy // Avrasya Etüdleri. No. 1 (49). P. 33–54. (In Eng.)

Hossein Adeli S. M., 2010. The Contribution of Energy Diplomacy to International Security; with Special Emphasis on Iran // Iranian review of Foreign affairs. No. 2. P. 57–95. (In Eng.)

Iranian Gas and LNG Potential Remains Undeveloped // <https://maritime-executive.com/article/Iranian-Gas-and-LNG-Potential-Remains-Undeveloped-2014-07-29>, accessed 14.01.2023. (In Eng.)

Karimi M. S., Hafezi R., Souhankar A., 2022. Reframing of Iran's Energy Diplomacy in Natural Gas on the Horizon of 1420, Necessity or Choice? // Strategic studies of public policy. No. 41. P. 116–135. (In Persian)

Zadeh R. S., Siraki K. S., Khodaverdi H., Dehshiri M., 2019. Opportunities, Threats and Solutions Facing the Energy Diplomacy of the Islamic Republic of Iran on Regional Political Economy (2003–2019) // Political and international scientific and research quarterly. No. 41. P. 90–109. (In Persian)